
АЛЕКСАНДР
НЕВЕРОВ
ГОРШКИ
«ЗИФ»

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ

ГОРШКИ

РАССКАЗЫ

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии ф-ки „Светоч". Ленинград, Б. Пушкарская, 18, в колич. 10.000 экз.
Главлит 46938 2 л.
1926

ГОРШКИ

1

Купил Поликарп два горшка на базаре. Цену не малую дал по нынешним временам, вез осторожно. Чуть где кочка подвернется на дороге, Поликарп в испуге на лошаденку кричит:

— Тпру!

Возьмет на руки оба горшка и держит, словно ребятишек.

— Штука больно ненадежная—из глины. А теперь и глина дороже денег...

Приехал домой, Семениха, жена, обрадовалась.

— Купил, мужик?

— Тише, тише хватай, не расшиби!

Гладит Семениха горшки, словно волосы расчесывает, улыбается.

— Сколько дал, мужик?

— Дорого. По три миллиена за каждый.

Тут Семениха на Яшку посмотрела:

— Смотри у меня, не дотрагивайся.

И Дуньке девченке наказала:

— Не балуй, дочка: глиняные они. Уронишь на пол—расшибутся...

2

Ночью Семенихе сон нехороший приснился: будто кот шабренкин в избу зашел и давай блудить. Крикнула Семениха на него, кот напугался, да прямо с лавки и махнул на полку в чулане. А горшки друг с дружкой стояли на этой самой полке. Так и прострелило Семениху в бок и спину. До вторых петухов уснуть не могла.

3

Утром стряпали.

В одном горшке щи заварили, в другом—кашу.

Поликарп сам находился около печки, дергая Семениху за рукав.

— Тихонько суй! Не толкай ухватом в горшок!

Щи до обеда за заслонкой стояли, чтобы навару больше было, а кашу Семениха студить вытащила. Лучше она холодная, если ее с молоком. Поставила на окошко, сама подумала.

— Кабы не случилось чего!

Хотела на другое место переставить, да с кумой Агафьей заговорилась. Заговорилась и забыла про кашу, ушла до соседки. А там опять разговоры: Лукерье рассказала, Прасковье рассказала, что купили они два горшка по три миллиена за каждый. Очень уж горшки хорошие! В два дня не перескажешь всего: каленые, и бока у них писаные. Постучишь по ним пальцами, а они, как колокол, как колокол—истинный господь!

4

В это время Яшка прибежал с улицы.

Шмыгнул носом два раза, видит — горшок на окошке стоит. Надо же его посмотреть. В избе — никого. Подошел бочком с оглядкой, потрогал ладонью — горячий. Заглянул в нутро.

— Каша!

Как не попробовать из нового горшка! Сунул палец — жгется. Облизал скорее, чтобы не больно было — за ложкой метнулся в чулан. И каши совсем не хотел, на улицу торопился, ну, а горшок-то новый.

И Дунька с улицы прибежала.

Увидала, кашу ест Яшка из нового горшка позавидовала.

— Ты чего делаешь?

— А тебе чего надо?

— Я скажу маме!

Замахнулся Яшка ложкой, раз! Дуньку по лбу. Дунька сдачи дала.

Сцепились около нового горшка — дым пошел.

После на иконы Дунька божилась, что это — не она. И Яшка после сквозь землю провалился, что это — не он...

5

Прибежала Семениха от соседки, а горшок — на полу.

Нет, не горшок: три половинки.

Трепала-трепала Яшку с Дунькой—какой толк! Убей мальчишку с девченкой — все равно горшок не поднимется.

Ну, и Поликарп тоже трепал-трепал Яшку с Дунькой, и Семенихе попало зараз. Какой толк! Опять поезжай на базар за новым горшком, готовь три миллиена. А они опять разобьют.

Беда!

6

Стал Поликарп думать: какое дело ребятишкам найти? А без дела дураками вырастут. Только и научатся горшки бить да в картишки играть по ночам у Соломихи. Думал-думал — никак не подыщет такого дела. В сапожники отдать — некуда. В город отвезти — малы да и грамоту надо знать. В городе без грамоты в дворники никто не возьмет.

— Стой! Надо их выучить. Обязательно в школу отдать...

Хорошее дело придумал Поликарп: все ребятишки должны с этого начинать. Побегал до семи лет, а на восьмом сумку с книжками надевай да уму-разуму набирайся, чтобы большому легче было жить.

Только вот беда какая: решил Поликарп в школу отдать Яшку с Дунькой, а школы и нет в деревне у них. Впрочем, это не совсем так. Надо по порядку рассказать. Есть у них школа, на пустыре стоит, с тремя окошками на „главную" улицу. При

старом режиме строили ее. Не нашли места в улице, выкинули на пустырь. Старики допрежде так рассуждали: и тут хорошо — не казенка. Ну, вот, школа есть. Только вот—беда какая: в школе нет ничего. Сколько лет воевали мужики! Совсем забыли про школу. То красные остановятся в ней, то — белые. Кто доску отдерет, кто наличник сорвет. Было десять парт, и те сожгли от нужды проходящие солдаты. Остальное свои деревенские растащили. Учительница, которая работала в школе, поступила в Совет волостной, потому что ей нечего делать в раззоренной школе.

7

Вышел Поликарп на пустырь, обошел вокруг школы два раза, головой покачал: тут Яшку с Дунькой не выучишь. Ни одного окошка целого нет, и помет лошадиный на полу валяется. Ветер свищет по углам, галки прутьев натаскали гнезда вить. Плохо! А выучить Яшку с Дунькой надо. Теперь они глупые, на улицу торопятся, улица слаще всего. Вырастут большие, отца с матерью будут ругать.

— Старые черти, вы виноваты — ничему не учили...

В чужое село везти за восемь верст, дорого больно. Если на лошади возить каждый день утром и вечером — сколько концов сделаешь? Влезет тогда ученье в копеечку. А выучить надо. Не хочется дураками пускать.

8

Не думал раньше Поликарп. Бегал по улице Яшка, и ладно. Не мешает в избе под ногами, и то хорошо. А разбили горшок они с Дунькой— еще припомнилось кой-что: спички иногда пропадали из печурки, табак из кисета. Тоже Яшкино дело. Таскал по глупости, а он, Поликарп, не догадывался. Потом по глупости будет Яшка хлеб из амбара таскать. Потом по глупости в тюрьму угодит. Был такой случай в прошлом году у Ивана Ефремова. Один сынок, можно сказать, Гришка-то! С двенадцати лет гармонь начал раздувать, на пятнадцатом — амбар подломал. Достукается и Яшка до этого.

Задумался Поликарп.

— Как тут быть?

Не один Яшка собакам хвосты крутит на улице. Иди из избы в избу—все ребятишки неграмотные. Учить, так всех учить. Тут и засела Поликарпу хорошая мысль.

— Надо попробовать!

9

Услыхали Яшка с Дунькой, хвалятся:

— Тятя нас учить хочет.

— Где?

— С места не сойти!

Над Яшкой с Дунькой смеются и над Поликарпом смеются.

— Еремеев наш в науку броситься хочет... Яшку в писаря, Дуньку—в коммунистки...

— Дошлый, чорт!

А у Поликарпа своя линия на уме. Зашел раз к Петру Никанорычу—покалякали. Так и так, говорит, надо бы школу поправить. У Петра Никанорыча тоже двое поспевают к учению. Это, говорит, дело хорошее. Трудно только, дорого встанет. Неграмотный был Поликарп. Начал по пальцам выкладывать. Если, говорит, ты да я — двое. Да еще двое пристанут. Без училищи никак нельзя. А Петр Никанорыч такой мужик:—тронь его хорошенько за живое—не удержишь. Стал ему Поликарп рассказывать, как плохо будет, если ребятишки неграмотными останутся на всю жизнь, он и говорит:

— Правильно ты глядишь, Поликарп: без грамоты нашим ребятишкам никак нельзя. Давай действовать обоюдно.

10

В деревне, где жил Поликарп, мужик—Занозой звали—больно насмешник был. Начни чего-нибудь делать — языком звонит на всю улицу: эта-ста игрушки одни! Услыхал он — училищу Поликарп хочет строить, и пошел хвостом вертеть, как овца от комаров. Ха-ха-ха! хи-ха-ха! Встретились у Митрофана Полосухина, Заноза—с насмешкой:

— Зря, Еремеев, суешься, ничего не выйдет...

А у Поликарпа своя линия на уме.

Дело больно простое тут. В нашей деревне сто двадцать дворов. Значит, сто двадцать хозяев. И вот, скажите мне на милость теперь: чего мы не можем сделать? Стены у школы есть, крыша есть, и половицы целы. Двери тоже не тронуты. Нарочно ходил туда осматривать. Вот и думаю я теперь: сто двадцать хозяев. Если по миллиену кинем,—сто двадцать миллиенов. А если сразу по пяти — это сколько будет? Пересчитай, Митрофан.

Вскинул глазами Митрофан, перемножил пять миллионов на сто двадцать домохозяев, говорит:

— Это будет шестьсот миллионов. Добавить еще четыреста — миллиард.

— Видите, какая страшная цифра! — говорит Поликарп. — По-моему, на такую цифру можно много дела сделать.

А Заноза—насмешник. Любит до-смерти языком потрепать. Постукал по лбу себя, говорит:

— В этом горшке не хватает у тебя, Поликарп. Разве можно на эти деньги дело делать по нынешним ценам? Рамы справить — сколько стоит? Печку оборудовать, парты заказать и чернила ведра два купить, бумаги, карандашей, всякой амуниции. Тут такая тебе въедет училища — караул закричишь.

А у Поликарпа своя линия на уме.

— Ты это напрасно прикидываешь, у меня другой расчет: рамы нам Бирюк сделает, он столяр, а у него тоже мальчишка есть. И парты сколотить попросим его. Я даже так думаю. Безлошадный он, а посевишка имеет кой-какой?

Чего нам миром стоит запахать ему, скажем, две десятины? Мы спашем, он нам за это парты сколотит. Вот и сразу большая скоска. Печка тоже нас не испугает. Кирпичи там целые которые. Не хватит—снесем по одному. Сто двадцать домохозяев—сто двадцать кирпичей. Старика Панюгина сложить заставим. Все равно ему негде жить. Сложит и будет за сторожа при школе работать.

Заноза, мужик насмешливый, головой качает.

— Уложил ты хорошо, не знаю, как выйдет.

— Выйдет, — сказал Поликарп. — Не захочет выходить — за рога потащим.

Как видите, и он умел шутку пустить.

11

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Долго кочевряжились мужики, упирались. Поликарп маленько бабам шепнул, которые помоложе да поумнее. А бабы такой народ — только тронь. Тут и вышло хомут да дышло—рты разинули все. Глядит Заноза, мужик насмешливый—глазам своим не верит: Дарья Петрухина и Варвара Митрохина — бабы молодые, здоровые — кровь с молоком. Без мужиков живут—вдовые. Я хочу не это сказать. Дарья Петрухина и Варвара Митрохина бревно волокут на плечах — только земля под ногами гнется.

— Куда их понесло! — думает Заноза.

Не успел надивиться, еще глядит: Марфа Куделина с Матреной Каюкиной двенадцать кирпичей тащат на носилках. Народ все безлошадный, голь-матушка, а руки здоровые, ну, и не стесняются... А тут и лошадные появились: Сергей Лухонин кобыленку стегает вожжей под хвост — глины везет полную телегу. Макар Осминкин бочку воды накачал по самые краешки ведер пятьдесят. Инда мерин гнется. Бирюк с топором идет по улице, и долото с фуганком за плечом в кошеле. Праздничное было дело, нерабочее. Народ так и высыпал из каждой избы.

Я упустил маленько. Вы, наверное, догадались. Мужики с бабами, у которых ребятишки неграмотные, субботник решили сделать, всем миром-собором школу на ноги ставить. А народное дело, конечно: чорту можно рога свернуть в одну минуту. Как привалили все — на пустыре целая ярмарка: смех, говор, шутки, прибаутки. Кто с топором, кто с долотом, кто с лопатой. И лопатам работа нашлась.

— Поддай, ребята, не жалей!

— Марья, навались хорошенько!

— Макар, лезай на подволоку!

— Антип, ширни на минуточку в подпол, осмотри нутренные заваленки.

Вот так получилась штука — окунь да щука!

Марья с Дарьей, Анна Парфенова с Маланьей Силуяновой, в четыре лопаты завалены, накачивают по самые окошки, чтобы тепло было учительнице с ребятишками. Бирюк круги чертит

ногтем вместо циркуля, рамы налаживает. Старик Панюгин глиной мажется, печку настраивает. Немолодой глазами, всю бороду выпачкал. Смеются над ним, а он свое дело знает. Положит кирпичик— примажет. Ничего! Не больно красиво, зато больно здорово, по-крестьянски: сто лет простоит, ронять будешь — не уронишь.

Кружились-кружились весь день, а будто совсем и не работали. Смеялись да подшучивали друг над другом, а к вечеру из печки поправленной дымок повалил.

Вот тебе на!

Оказия!

Завалены оборудовали, на потолок земли добавили, бабы помоложе полы вымыли, стены почистили. Что такое? Из конюшни заброшенной изба получилась. Осталось только Бирюку свое дело доделывать. У него ремесло не такое, чтобы сразу. Примерить да прикинуть надо. Отпилить, продолбить и на шпонку поставить. Сложное дело!

Ну, на этот раз кончили...

12

Заноза, мужик насмешливый, чвокает.

— Проклятые! Начали в шутку — выходит всурьез.

Идет мимо училища дня через три, а там кто-то постукивает. Глядит, а это Бирюк, как дятел, четвертую парту долбит.

— Стучишь?

— Стучу.

— Скоро кончишь?

— Через недельку готово будет...

13

Ну, я не все буду рассказывать, и так теперь понятно.

Через месяц Поликарп говорил Семенихе жене:

— Шей две сумки!

Сшила Семениха. Одну Поликарп надел на Яшку, другую на Дуньку.

— Будет на улице бегать, пора за работу приниматься.

А еще через месяц Яшка, потея над азбукой, громко читал отцу:

— Бы... А... Баба! Мы... А... Мама!

АППАРАТ

1

Здоровая башка у Никанора Иваныча: аппарат самогонный изобрел. Ни у кого не хватило смекалки, только он додумался. Умный очень, другие дураки. Дома сидит, из села не выезжает—денежки сами лезут в карман. Поэтому и разбогател. Жене — ботинки, дочери — ботинки, себе — сапоги из опойковой кожи. Жене — платье, дочери — платье, себе — рубаху черного сатинета. Дом железом перекрыл, тарантас в починку отдал—первый житель. Умный очень, другие дураки. Продал Иван Захаров овцу — нужду со двора согнать, — половина овцы попала Никанору Иванычу. Было у Михайлы Дынькова четыре пуда зерна на черный день — два в аппарат пошло. Целую ночь куралесил Михайла, сделался самым богатым человеком на все Заволокино. Ничто нипочем! Ползал в избе на четвереньках, песни пел, над нуждой смеялся, как парень над брошенной девкой. Баба плакала — не слышал. Лошадь голодная по двору

ходила — не видел. Очень уж хороша огонка будь она проклята! Моложе сделала лет на пятнадцать. Разлетелась нужда в разные стороны, целую ночь не показывалась на глаза Михайле. Только утром: поднял Михайла развороченную голову, а нужда опять рядом с ним. Вцепилась как кошка ногтями, не оторвешь. Баба на лавке сидит, свесила голову. Около ребятишки жмутся. Слезы да горе. Кошка жалобно мяучит, ветер дует в худые окна, чугун пустой на боку валяется. Печка холодная, брюхо у всех голодное. Горе да слезы. Встал Михайла из-под лавки — ноги качаются, по вискам молотками стучат. На дворе лошадь с упреком глядит, рот разевает. Собака поджала хвост, воем собачьим душу вытягивает. Куда итти?

Пришел к Никанору Иванычу—на столе самовар кипит, пирогом из печки пахнет. Жена в новом платье, дочь в новом платье. Никанор Иваныч в новой рубахе из черного сатинета. Сидит умытый, расчесанный, по всей избе благодать. Умный очень, другие дураки. Поглядел Михайла на чужую благодать — тоска сердце грызет. А от тоски опять можно только в тоску.

— Здорово ты меня ушиб, Никанор. Похмеляй.

Иван Захаров пришел в худых порчишках, носом шмыгает, руки трясутся.

— Похмеляй, Никанор,—не гожусь.

Никанор Иваныч не отказывает. Хорошо аппарат работает — хватит. День и ночь капелька по капельке капает. Нет, не капельки. Труды мужицкие

в четвертину переливаются, слезы бабьи, горе детское. Потому и разбогател. Жене — жакетку, дочери — жакетку, себе — пиджак диганалевый. Жене — кофту, дочери — кофту, себе — шаровары для праздника, пояс с кистями. Лошадь купил, корову дойную, на дворе гуси загагакали. Умный очень, другие дураки. Сам председатель волисполкома в гости ходит, секретарь за дочерью ухаживает, наверное замуж возьмет. Даже и это не все. Сам начальник районной милиции с обыском приезжал, чтобы аппарат арестовать, а уехал только утром. Всю ночь пели песни с председателем, играли с Никаноровой бабой, Никанору говорили:

— Ты, фабрикант, не бойся. Вся власть в наших руках. Понимаешь? Ни один человек пальцем не тронет тебя, если мы не захотим.

Так и думал после Никанор Иваныч: никто не тронет. Капает аппарат капелька по капельке — сколько тут денег? Миллион? Мало. Двадцать миллионов, сорок миллионов, миллион миллионов. Куча! Ворох огромный. Передняя изба, набитая деньгами. Целый обоз. Хорошо!

2

А случилось это вот как.

У Ивана Захарова расстройство, удержаться не может, и у Михайлы Дынькова расстройство—удержаться не может. Григорий Кручина, мужик бедный, прямо сказал:

— Теперь я не могу без амогонки—зарезала она меня.

Плачут три друга, кулаками стучат, Никанора Иваныча из матушки в матушку величают, что выдумал аппарат, а все-таки пьют. Зарезала самогонка, завлекла, заразила на-смерть. Пропил Григорий Кручина осьмину земли, льются пьяные слезы, падают на каждом переулке:

— Пропащий я человек!

Прошел четыре переулка, на пятом свалился. Раскинул руки-ноги, лежит. Очень уж хороша самогонка, будь она проклята! Уложила, распластала и рубашку на спине заворотила. Свиньи подходили, нюхали Григорья Кручину — лежит. Собаки тявкали над взъерошенной головой—лежит. Вот какая забористая самогонка! Баба будила— не разбудила. Мужики будили — не разбудили. Положили Григорья Кручину на роспуски, домой повезли—лежит. Стали гроб сколачивать из двух досок, сказали:

— Хороший мужик был, царство небесное. Крышка!

А Иван Захаров на карачках ползает, половицы бородой метет, на судьбу мужицкую хныкает:

— Пропащий я человек!

Михайла Дыньков на кровати стонет — нутро горит. Воду пьет—не запьет. Квасом пожар тушит— не затушит.

— Вот так самогонка!

Думала, думала Михайлина баба, решила: запутался мужик, надо по-своему действовать.

Думала, думала Иванова баба, тоже решила: запутался мужик, надо по-своему действовать.

Сошлись бабы на улице, собранье устроили.

— Войну давайте делать с Никанором—силушки нет. Всю кровь из нас аппарат его высосит.

— Трудно с ним воевать: председатель руку держит.

— Будем и с председателем воевать.

— Начальник милиции в гости заезжает.

— И с начальником будем воевать.

Идут бабы по улице — зрелище невиданное. Дынькова — с палкой, Захарова — с палкой, целая пехота с деревянным оружием. Прямо к Никанору Иванычу. Увидели занавески на окнах—еще пуще обидой сердце загорелось.

— Вот они, денежки наши!

Встретил на крыльце Никанор Иваныч бабье войско—не похоже на мужика. Сапоги опойковые на ногах, рубашка новая черного сатинета, шелковый пояс с кистями.

— Вот они, денежки наши!

Выступила Михайлина баба вперед—никакая сила не удержит:

— Где твоя акаянная фабрика?

— А вы что за милиция?

Михайлина баба сказала:

— Мы вот какая милиция: аппарат твой уничтожим, и тебя самого уничтожим, если будешь самогонку варить. Слезами нашими поишь мужиков!

Никифор Иваныч на резон:

— Прошу разойтись от моих окошек! А ваших неприятностей я не боюсь.

Кричит на баб, защиту чувствует от начальника милиции: „никто не тронет“.

Бабы тоже в десять голосов:

— Всю фабрику твою уничтожим!

— В тюрьму посадим, — берегись!

– Не имеете права.

Тут Михайлина баба сказала:

— Идемте, бабы!

Двинулись на крыльцо, бабы за ней. Оробел Никанор Иваныч — дверь на крючок. А бабы в окошко кричат:

— Уничтожим!

3

Пришла Михайлина баба домой, Михайла на кровати без памяти ползает, плюет, жалуется.

— Нутро горит!

Тошно глядеть на мужика. Михайлина баба сказала:

— Ты, мужик, лучше молчи. Тисну вот, чтобы глаза мои не мозолил.

Пришла Захарова баба:

— Прошенье надо в город писать, там начальство повыше нашего.

— А писать кому?

— Маланька наша напишет, мы диктовать будем.

Собрались бабы около Маланьки. Маланька за столом сидит, ручкой в чернильницу тычет, бабы диктуют.

— Пиши!—говорит Захарова баба.—Силы нет.

Михайлина баба добавляет:

— Замучил нас акаянный аппарат.

Марья вдова, после Григорья Кручины, слезы передником утирает.

— Добавь, Маланька, от меня: с сиротами осталась я, не знаю, чего делать.

Матрена Дубасова кричит через Марьино плечо.

— Пиши сразу про все: председатель пьянствует, начальник милиции потачку дает. Всех арестуйте!

Скрипит Маланькино перо, спотыкается. Ничего, разберут, кому надо.

4

Услыхал Никанор Иваныч—зубами скрипнул.— Ах, акаянные бабы! Кабы на самом деле греха не вышло с ними. Надо будет председателю доложить, с начальником милиции посоветоваться. Оробел Никанор Иваныч. Надо аппарат спрятать.

Еще чего? Взятку надо дать. Бегает, мечется,— сам не свой. Только хотел итти к председателю, а председатель—к нему:

— Прячь аппарат! Человек из города приехал.

Поднял Никанор Иваныч аппарат, как малого ребенка, на руки, понес в амбар через улицу,

а бабы... Ах, акаянные бабы! Перегородили дорогу, кричат:

— Вот, товарищ, этот самый. Замучились мы от него.

Тут только увидел Никанор Иваныч человека из города — лицом побелел, ноги задрожали. Хотел улыбнуться — губы скривились.

— Тюрьма!

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ

(Рассказ крестьянки)

1

Корову я доила рано утром. Гляжу, Николай бежит босиком.

— Где Володимир?

Думала я, случилось чего, спрашиваю:

— Зачем тебе?

— Арестуют нас сейчас: казаки сюда приехали.

Не успела я опомниться, Николая уже нет. Выбежал и калитку не затворил. Оставила я ведро под коровой, бегу в избу. Дрожу вся, и язык не владеет. Глаза разбегаются в разные стороны. Увидала ружье на стене, сунула под кровать без памяти. Очень уж испугалась. Бывали казаки проездом у нас, знала я — хорошего не будет. Тормошу Володимира, а он, как нарочно, уснул крепким сном. Схватила за руку, кричу:

— Володимир, Володимир, проснись! Казаки приехали.

Вскочил он, как был, и обуться не успел. Глядим, Ванюшка Черемнов с мешочком бежит, запыхался.

— Скорее, солдат, скрывайся — обыски будут делать.

Ребятишки проснулись в суматохе, маленький заплакал. Мне бы на руки его взять, чтобы не плакал, да разве есть когда? Ножик ищу, хлеба отрезать Володимиру на дорогу. Не догадаюсь целую горбушку дать, а мальчонка-малыш кричит на всю избу.

Большенький тоже заплакал. Такой крик поднялся — чужие люди под окошками начали останавливаться. Схватил Володимир пиджачишка рваный, говорит:

— Ты, Настасья, не бойся. Я на болоте буду сидеть до вечера. Вечером наведаю тебя. Станут спрашивать казаки, куда я делся, говори — ничего не знаешь. Тебя они не тронут — женщина ты.

Надавал мне таких советов, а я и не помню ничего. Вышла на двор, ведро с молоком на боку лежит, корова к воротам подошла, рогами калитку отворяет. В избе ребятишки плачут. Хожу, как дурочка, и сама не знаю за что взяться. Выглянула на улицу—там галдеж стоит. Кто в эту сторону бежит, кто—в ту. На меня показывают пальцем. Подбежала Анна шабриха спрашивает:

— Мужик твой скрылся?

Тут опять немного опомнилась я. Поглядела спокойно, говорю:

— Чего ему прятаться? Чай он не вор.

— Большевик он у тебя.

Не пойму сразу, чего хочет Анна, а она с добром ко мне. „Я, говорит, никому не скажу. Если

дома спрятала его, пускай перепрячется. Найдут казаки — не помилуют". Подошла Наталья, Николаева жена, мигает мне через плечо: айда посекретничам. Увела меня на двор, спрашивает:

— Чего будем делать?

А я и сама не знаю, говорю ей:

— Нас не тронут, женщины мы.

Наталья тогда рассердилась на меня.

— Какая ты надежная, Настасья! Разве можно оставаться на глазах у всех? Один Прокоп утопит нас с головой за наших мужиков. Сколько хлеба отобрали они у него для неимеющих?

— Так чего же будем делать?

— Спрятаться надо нам.

— А ребят куда?

— Ребят оставим на денек, их не тронут. Уйдут казаки — вернемся. Не уйдут, попросим бабушку Фектисту поглядеть.

Слушала я Натальины слова и так расстроилась сердцем, хоть самой зареветь впору. Шутка ли дело — из своей избы бежать! Да и куда я пойду? Мужики — солдаты, они ничего не испугаются, могут оборониться, если кто нападет. Дома оставаться — тоже боязно стало. Злые есть среди казаков. Натравят на меня, скажут им: это — жена большевика, самого главного коновода.

Только хотела пойти к бабушке Фектисте, чтобы поглядела за моими ребятишками, слышу — кричат на улице:

— Казаки по избам ходят!

Бросилась я в сени, выскочила на двор. Пометалась из угла в угол, опять прибежала в избу. Схватила маленького на руки, большенькому сказала:

— Иди к бабушке Фектисте, сиди там целый день. Я приду скоро.

Он плакать начал, у меня сердце разрывается. Подумала-подумала, говорю себе:

— Что будет, то и будет. Никуда не пойду.

Вышла с обоими ребятишками во двор, погнала корову в стадо, а стадо давно за околицу выгнали. Корова не идет, упирается. Хлыщу ее прутиком по спине, приговариваю:

— Иди, иди!

Навстречу мне Лаврентий без шапки, косым глазом ухмыляется. Володимира очень не любил он и радовался больше всех, когда казаки приходили. Остановился около меня, ехидничает.

— Куда коровенку гонишь?

И что со мной сделалось — сама не помню. Подняла я голову на Лаврентия да прямо в глаза и говорю ему:

— Косой бес, не радуйся!

Домой я не вернулась. Гляжу, Прокоп идет с двумя казаками—так во мне и упало все. Ребенок на руках камнем лежит, другой за подол держится. Двигаю ногами, ничего больше не вижу. Вся улица туманом покрылась. Иду по дороге, а кажется—в яму падаю. Храбрюсь все-таки, сама себя подбадриваю. Пересекли казаки дорогу мне, говоря:

— Айда с нами!

— Куда?

— В теплое место.

Я заупрямилась, один казак за руку дернул.

— Не ломайся! Сама знаешь, куда тебя вести надо. Сказывай, где мужа схоронила?

Тут и я притворилась маленько.

— Что вы, родимые! Разве спрашивают нас мужики, где они хоронятся? Сами ищите, я ничего не знаю.

— А если мы тебя заставим сказать?

Опять я притворилась.

— Как вы меня заставите сказать?

Один казак плетку показал.

— Вот этой штукой: она всем бабам языки развязывает.

Другой казак, постарше, изругался.

— Не разговаривай много с чортовой бабой. Веди в сарай, там скорее скажет.

Так и задрожала я вся. Поправила платок, говорю:

— Вы хоть детей моих не пугайте. Чего я такое сделала, чтобы в сарай меня?

— Ладно, не разговаривай.

Увидала я, как Прокоп притворно над бедой моей вздыхает, словно смелее стала. Взяла большенького за руку, утешаю.

— Ты, Ваня, не бойся, это дяденька нарочно пугает нас.

А он — даром маленький: восемь лет ему — знает, какие казаки. Вцепился в подол мне ручон-

ками, побелел весь. Ведет казак по улице меня, народ смотрит. Кто жалеет втихомолку, кто радуется. Дошли до избы, где бабушка Фектиста живет, упрашиваю я казака:

— Обожди немного, ребятишек оставлю старухе. Куда с ними пойду? Неужто и на них вину будете искать?

Казак кричит:

— Ты, тетка, меньше говори. Жалобами меня не тронешь, а тебе за это хуже будет.

Стала целовать маленького я и вдруг заплакала. Что со мной сделалось? Не могу и не могу успокоиться. Тут еще ребятишки мои крик подняли в два голоса, словно ножами режут. Как и шла потом — не помню. Запер казак меня в Павлов сарай на гумне, сижу, как крыса в ловушке. Слезы прошли уж, не плачу. Думаю, как беде своей помочь? Посидела в одном углу, в другой пересела. Ах, мучители! Такая меня злость взяла, стала я землю под плетнем ковырять, чтобы убежать из сарая. Наковыряла пальцами маленькую ямку, бросила. Какой толк! Без лопатки все равно ничего не сделаешь. Сижу, думаю. Неужто пытать они меня будут? Этак я и Володимира выдам и Николая. Неужто не вытерплю? Ущипнула себя за руку двумя ногтями — больно. Еще сильнее ущипнула — терплю. Узнать хочется: буду или не буду кричать я, если меня пытать станут. Всякие мысли пришли в голову. Увидала булавку на груди у себя, думаю: дай еще булавкой уколю себя хорошенько. Ткнула в бок посильнее—вскрикнула.

Нет, не стерплю. Прислонилась головой к плетню и давай плакать. Всю жизнь свою вспомнила: как девчонкой была, как замуж выходила за Володимира, как на войну провожала его при царе. Стоит Володимир перед глазами у меня, упрекает.

— Смотри, баба, не поддавайся страху. Расскажешь казакам, где я скрываюсь,—оба мы пропали.

Чего только не передумала я за это время. То покажется — нашли Володимира, связанного ведут на расправу. То ребятишек своих увижу раздавленными, то верхом себя на какой-то лошади. Скачу будто бы по-казачьи в седле, за плечами ружье Володимирово, а за мной народу видимо-невидимо. Не пойму вот теперь: каким-то вроде начальником сделалась я, командую, и все меня слушаются.

Долго сидела в сарае, слышу голоса кричат на гумне. Поглядела сквозь плетень, казак ведет Наталью, Николаеву бабу. Мне бы испугаться надо, а я обрадовалась. Ладно, думаю, две будем сидеть, чего-нибудь придумаем. Отпер ворота казак, говорит:

— Пожалуйте, барыня, отдохнуть.

Поглядели мы с Натальей друг на друга, встали рядышком. Глаза у нее большие, губы дрожат. В моих глазах — чувствую — слезы. Вот Наталья и говорит мне, когда одни остались:

— Что, не тронут нас? Если мы будем сидеть курами в этой ловушке, достанется нам и почище.

— А куда мы отсюда уйдем?

— Надо поглядеть.

Я и не знала раньше, что Наталья такая смелая да ловкая. Забралась она на плетень до самой крыши, шепчет оттуда:

— Вылезти можно — крыша некрепкая. Ты согласна?

Вот тут я и задумалась. Словно камень на шею повесила она мне. Здесь оставаться—страшно: а ну как на самом деле казаки выпытывать будут про мужиков? И бежать отсюда страшно: увидят, как мы в крышу полезем — застрелят на месте. Сами если спасемся, как бы ребятишкам чего не сделали. Наталья торопит:

— Ну, как же ты? Решай!

Может быть, не согласилась бы я, да Володимир опять встал передо мной.

— Беги, Настасья, лучше будет.

Наталья крышу соломенную продырявила, высунула голову, смотрит. — Никого, — говорит, — нет. — А гумна у нас на задах. Тут и правда — никого не бывает. Весь народ толпится на улице

— Ну, — говорит Наталья, — я прыгаю. Торопись за мной скорее.

Только вылезла я на крышу, слышу: бац из ружья! У меня и в глазах потемнело. Грохнулась на землю, встать не могу. Наталья кричит надо мной:

— Вставай, вставай! Это на улице стреляют.

Бросилась она к речке, прямиком по гумнам, я—за ней. Бегу, земли ногами не чувствую. Сердце задохнуться готово. Забежали в чей-то предбанник, сидим. Слушаем, не гонится ли кто. Тихо кругом.

Дольше оставаться в предбаннике — боязно, найти могут нас. Чего тут делать? Заварили кашу, надо дохлебывать. Наталья говорит:

— Теперь нет нам ходу назад, пока казаков не прогонят.

— Куда же нам итти?

— Айда через речку на тот берег. Можа Володимира с Николаем увидим, около них не страшно будет.

Вот какая меня злость взяла на этих казаков! Подоткнули юбки, пошли. Я уж и бояться не стала, говорю Наталье:

— Придется нам вместе с мужиками воевать.

Наталья поддакивает.

— Ну да, придется. Сами казаки на это вызывают.

Идем тихонько, будто не прячемся, разговариваем. Вышли на другой берег, пошли на болото отыскивать Володимира с Николаем. Ходили-ходили — разве найдешь? Кричать громко нельзя. Время с обеда пошло. Сели в глухой кустарник — сидим. У меня слезы на глазах показались. Наталья спрашивает:

— Ты что плачешь?

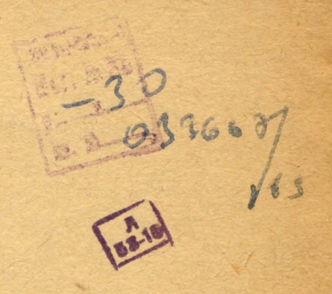
А мне и стыдно перед ней, и ребятишки стоят на уме. Слышим, крадется кто-то за нами. Вот как я испугалась! Вскочила бежать, а из кустарников Володимир глядит. После все смеялся надо мной.

— Можешь теперь воевать?

Так мы с ними и пробыли целых двенадцать часов в болотных кочках, пока казаки не ушли из нашего села.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 10 коп.

Адрес издательства:

Москва, Кузнецкий мост, 13 — Тел. 4-82-72

Адреса магазинов:

Москва, Столешников, 5 — Телефон 3-56-83

Москва, Никольская, 12 — Телефон 2-85-32

Центральный книжный склад:

Москва, Лубянский пассаж, помещ. 25 — 30
Телефон 2-31-78

Северо-Западное отделение:

Ленинград, Проспект 25-го Октября, 13
Тел.: 2-43-08, 1-54-52 и 99-95

Харьковское отделение:

Харьков, Троицкий, 2